

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)
П37

Оригинал-макет подготовлен
издательским центром «НОУФАН»
nofunpublishing.com
valery@nofunpublishing.com
+7 (903) 215-68-69

Платон.

П37 Диалоги : [перевод с древнегреческого]. — Москва :
Эксмо, 2019. — 560 с. — (Библиотека избранных сочинений).

ISBN 978-5-04-094437-8

Книга, которую вы держите в руках, предназначена не только и не столько для студентов философских и филологических факультетов. Она для всех, кто интересуется развитием человеческой мысли и духа, а по сути, формированием современного «человека разумного» и цивилизации вообще. Ведь недаром говорят, что вся мировая наука выросла из античной философии. Древнегреческий философ Платон — достойный представитель великой эпохи — Античности.

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)

ISBN 978-5-04-094437-8

© ИП Сирота Э. Л. Текст и оформление, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Содержание

Вопросы, на которые дает ответ эта книга 5

«Изумление есть начало философии...»
(Платон)..... 7

ТОМ I. ДУХ

Апология Сократа..... 10

Критон 47

Федон..... 66

ТОМ II. ПОЗНАНИЕ

Софист 174

Парменид 267

Протагор..... 356

ТОМ III. ЧЕЛОВЕК

Пир..... 434

Гиппий Большой 514

Платон. Избранные афоризмы..... 556

ПЛАТОН

428 (427) – 348 (347) гг. до н. э.

Вопросы, на которые дает ответ эта книга

ПРИСТАЛО ЛИ ЧЕЛОВЕКУ ЗАНИМАТЬСЯ ДЕЛОМ, КОТОРОЕ МОЖЕТ ГРОЗИТЬ ЕМУ СМЕРТЬЮ?

Нехорошо ты это говоришь, друг мой, будто человеку, который приносит хотя бы маленькую пользу, следует принимать в расчет жизнь или смерть, а не смотреть во всяком деле только одно — делает ли он дела справедливые, достойные доброго человека или злого. *Стр. 26*

ЧТО СОКРАТ ГОВОРИТ О ВОЗМОЖНОСТИ ЧЕЛОВЕКА ПОКИНУТЬ ЭТОТ МИР?

То заповедное учение, которое гласит, что мы, люди, живем в какой-то темнице и что из этой темницы нам не следует ни освобождать себя, ни убегать, представляется мне каким-то возвышенным и нелегко постигаемым. *Стр. 73*

КАК СВЯЗАНЫ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПОМИНАНИЕ?

Учение для нас есть не что иное, как воспоминание. Если так, то отсюда неизбежно следует, что то, что мы в данный момент вспоминаем, мы когда-то в прежнее время изучили. *Стр. 93*

КОГО МОЖНО НАЗВАТЬ СОФИСТОМ?

Этим именем обозначается основанное на мнении лицемерное подражание искусству, запутывающему другого в противоречиях, подражание, принадлежащее

к части изобразительного искусства, творящей призраки и с помощью речей выделяющей в творчестве не божественную, а человеческую часть фокусничества: кто сочтет истинного софиста происходящим из этой плоти и крови, тот, кажется, выразится вполне справедливо. *Стр. 266*

В ЧЕМ РИСК ПРИОБРЕТЕНИЯ ЗНАНИЙ?

Потому что ведь гораздо больше риска в приобретении знаний, чем в покупке съестного. Съестное-то ведь и напитки, купив их у торговца или разносчика, ты можешь унести в сосудах... Знания же нельзя унести в сосуде, а поневоле придется, приняв их в собственную душу и научившись чему-либо, уйти или с ущербом для себя, или с пользой. *Стр. 363*

ЧТО ЕСТЬ МУДРОСТЬ?

Быть ниже самого себя — это не что иное, как невежественность, а быть выше самого себя — не что иное, как мудрость. *Стр. 425*

КАКОВО ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ЛЮБВИ?

Итак, вот с какого далекого времени любовь врождена взаимно людям, соединяет древнюю их природу и старается создать единое из двух и тем самым уврачевать природу человеческую. *Стр. 463*

«Изумление есть начало философии...» (Платон)

Говорят, что вся мировая наука выросла из античной философии. С этим трудно спорить, ведь древних мыслителей занимали буквально все значимые вопросы бытия: происхождение и строение Вселенной, существование бога (богов), природа человека, проблемы добра и зла... Разделение на отдельные отрасли знаний появилось значительно позднее.

Древнегреческий философ Платон (428 (427) — 348 (347) гг. до н. э.) — достойный представитель своей эпохи. До нас дошло множество его трудов, посвященных самым разным проблемам — от структуры идеального государства до бессмертия души. Примечательно, что эти работы сохранились полностью, а не в виде фрагментов, пересказанных друзьями и учениками.

Кстати, об ученичестве. Платон был учеником Сократа, ставившего во главу угла диалог, сомнение в авторитетах и совместный с оппонентом поиск истины. И Платон также предпочитал строить свои работы в форме диалога: это позволяло не просто познакомить читателя с тем или иным тезисом, но и помочь ему проследить ход рассуждения, сравнить его с собственными умозаключениями. Именно диалектика с ее поиском противоречий и нацеленностью на поиск аргументов была для Платона главным способом познания.

Платона считают одним из отцов-основателей идеализма в философии. Именно он сформулировал понятие идеи, или эйдоса — сущности, которая остается вечно

неизменной. Идея — это не просто понятие о той или иной вещи, но также основа ее существования. Отсюда вытекает и платоновское учение о душе; для Платона тело уязвимо и смертно, душа же, имеющая «разумное, яростное и страстное» начала, бессмертна и вечна.

Книга, которая сейчас перед вами, содержит наиболее известные труды великого античного философа, объединенные общим названием «Диалоги». Для удобства читателя мы разделили их на три тома: «Дух», «Познание» и «Человек». Часть этих произведений отображает идеи Сократа, которого Платон весьма почитал, и после того как Сократа обвинили в богохульстве и «подрыве нравственных устоев», оставил для потомков произведение «Апология Сократа». В нем он достоверно отразил речь своего наставника, обращенную к жителям Афин. Часть диалогов, например «Критон», названа именами известных афинян, в том числе и учеников Сократа, и представляет нам философские дискуссии, цель которых — поиск истины.

«Пир» посвящен проблеме любви, «Софист» — своего рода дайджест популярных философских проблем того времени, «Протагор» (это имя известного древнегреческого философа) представляет нам практически портретную галерею знаменитых современников Платона, дискутирующих об искусстве управлять государством, о добродетели...

И, конечно, книга была бы неполной без знаменитых афоризмов Платона, многие из которых в наши дни используются даже в качестве статусов в социальных сетях. А это ли не доказательство вечности философских вопросов? Поэтому напутствуем нашего читателя одной из известных цитат, принадлежащих великому греческому мыслителю: «Во всяком деле главное — это начало!»

ТОМ I
ДУХ

Апология Сократа

[После обвинительных речей]

Перевод М. Соловьева

Как подействовали мои обвинители на вас, афиняне, я не знаю; а я из-за них, право, чуть было и сам себя не забыл: так убедительно они говорили. Впрочем, верного-то они, собственно говоря, ничего не сказали. Из множества их поклепов всего больше удивился я одному: они говорили, будто вам следует остерегаться, как бы я вас не провел своим умением говорить. Но, по-моему, верх бесстыдства с их стороны — не смущаться тем, что они тотчас же будут опровергнуты мной на деле, чуть только обнаружится, что я вовсе не силен в красноречии, — конечно, если только они не считают сильным в красноречии того, кто говорит правду; если они это разумеют, тогда я готов согласиться, что я — оратор, однако не на их образец. Они, повторяю, не сказали ни слова правды, а от меня вы услышите всю правду. Только, клянусь Зевсом, афиняне, вы не услышите разнаряженной речи, украшенной, как у них, разными оборотами и выражениями, я буду говорить просто, первыми попавшимися словами — ведь я убежден в правоте моих слов, — и пусть никто из вас не ждет ничего другого; да и не пристало бы мне в моем возрасте выступать перед вами, афиняне, наподобие юноши, с сочиненной речью.

Но только я очень прошу вас и умоляю, афиняне, вот о чем: услышавши, что я защищаюсь теми же словами, какими привык говорить и на площади у меняльных лавок, где многие из вас слышали меня, и в других местах, то не

удивляйтесь и не поднимайте из-за этого шума. Дело обстоит так: я теперь в первый раз привлечен к суду, а мне уже исполнилось семьдесят лет, и в здешнем языке я не сведущ, словно чужеземец. Ведь вы извинили бы меня, если бы я был в самом деле чужеземцем и говорил бы на том языке и тем складом речи, к которым привык с детства, — точно так же и теперь я, по-моему, вправе просить у вас позволения говорить по моему обычаю — хорош ли он или нехорош, — и еще прошу обращать внимание только на то, правду ли я говорю или нет; в этом ведь достоинство судьи, долг же оратора — говорить правду.

И вот правильно будет, афиняне, если сперва я буду защищаться против прежних ложных обвинений и против первых моих обвинителей, а уж потом против теперешних обвинений и теперешних обвинителей. Меня многие обвиняли перед вами и раньше, много уже лет, и все-таки ничего истинного они не сказали; их-то я опасюсь больше, чем Анита с его сообщниками, хотя и эти тоже страшны. Но те страшнее, афиняне! Они восстанавливали против меня очень многих из вас, когда вы были еще детьми, и внушали вам против меня обвинение, в котором не было ни слова правды: будто бы есть некто Сократ, человек мудрый, который испытует и исследует все, что над землею, и все, что под землею, и выдает ложь за правду. Вот эти-то люди, афиняне, пустившие такую молву, — самые страшные мои обвинители, потому что слушающие их думают, будто тот, кто исследует подобные вещи, и богов не признает. Кроме того, обвинителей этих много, и обвиняют они уже давно, да и говорили они с вами тогда, когда по возрасту вы всему могли поверить, ибо некоторые из вас были еще детьми или подростками. Да и обвиняли они заочно: оправдываться было некому. Но всего нелепее то, что и по имени-то их никак не узнаешь

и не назовешь, разве вот только случится какой-нибудь среди них сочинитель комедий. Ну, а все те, которые восстанавливали вас против меня по зависти и по злобе или потому, что сами поверили наветам, а затем стали убеждать других, — они совершенно недосыгаемы, их нельзя вызвать сюда, на суд, нельзя никого из них опровергнуть, **и приходится попросту сражаться с тенями: защищаться и опровергать, когда никто не возражает.** Поэтому признайте и вы, что у меня, как я сказал, два рода обвинителей: одни обвинили меня теперь, а другие давно — о них я только что упомянул, — и согласитесь, что сперва я должен защищаться против первых: ведь вы слышали их обвинения и раньше, и притом много чаще, чем нынешних обвинителей.

Стало быть, афиняне, мне следует защищаться и постараться в малое время опровергнуть клевету, которая уже много времени держится среди вас. Желал бы я, чтобы это осуществилось на благо и вам, и мне, — чего еще я могу достичь своей защитой? Только я думаю, что это трудно, и для меня вовсе не тайна, каково это дело — пусть оно идет, впрочем, как угодно богу, а закону следует повиноваться — приходится оправдываться.

Разберем же с самого начала, в чем состоит обвинение, от которого пошла обо мне дурная молва, полагаясь на которую, Мелит и подал на меня жалобу. Пусть будет так. В каких именно выражениях клеветали на меня клеветники? Следует привести их обвинение, словно клятвенное показание настоящих обвинителей: «Сократ преступает закон и попусту усердствует, испытывая то, что под землю, да и то, что в небесах, выдавая ложь за правду и других научая тому же». Вот в каком роде это обвинение. Вы и сами все видели в комедии Аристофана, как какой-то Сократ болтается там в корзинке и говорит, что

он гуляет по воздуху; и еще он мелет там много разного вздору, в котором я ничего не смыслю. Говорю я это не в укор подобной науке и тому, кто достиг мудрости в подобных вещах, — недоставало, чтобы Мелит привлек меня к суду еще и за это! — а только ведь это, афиняне, насколько меня не касается. В свидетели могу привести очень многих из вас самих и требую, чтобы это дело обсудили между собою все, кто когда-либо слышал мои беседы, — ведь среди вас много таких. Спросите друг у друга, слышал ли кто из вас когда-нибудь, чтобы я хоть что-то говорил о подобных вещах, и тогда вы узнаете, что настолько же несправедливо и остальное, что обо мне говорят.

Но ничего такого не было, а если вы слышали от кого-нибудь, будто я берусь воспитывать людей и зарабатываю этим деньги, так это тоже неправда, хотя, по-моему, это дело хорошее, если кто способен воспитывать людей, как, например, леонтиец Горгий, кеосец Продик, элидец Гиппий. Все они, афиняне, разъезжают по городам и убеждают юношей, хотя те могут даром пользоваться наставлениями любого из своих сограждан, — бросить своих и поступить к ним в ученики, принося им и деньги, и благодарность. Есть здесь и другой мудрец, приехавший, как я узнал, с Пароса. Встретился мне как-то человек, который переплатил софистам денег больше, чем все остальные, вместе взятые, — Каллий, сын Гиппоника; я и спросил его, а у него двое сыновей:

— Каллий! Если бы твои сыновья были жеребята или бычки и нам предстояло бы нанять для них опытного человека, который сделал бы их еще лучше, усовершенствовал прекрасные качества, свойственные каждому из них, то это был бы какой-нибудь наездник или земледелец; ну, а теперь, раз они люди, кого ты думаешь взять для них в воспитатели? Кто знаток подобной доблести,

человеческой или гражданской? Полагаю, ты об этом подумал, раз у тебя сыновья. Есть ли такой человек или нет?

— Конечно, есть.

— Кто же это? Откуда он и сколько берет за обучение?

— Это Эвен, — отвечал Каллий, — он с Пароса, а берет по пяти мин, Сократ.

И подумал я, как счастлив этот Эвен, если он в самом деле обладает таким искусством и так недорого берет за обучение. Я бы сам чванился и гордился, если бы был искусен в этом деле; только ведь я не искусен, афиняне!

Может быть, кто-нибудь из вас возразит: «Однако, Сократ, чем же ты занимаешься? Откуда на тебя эта клевета? Наверное, если бы ты не занимался не тем, что все люди, и не поступал бы иначе, чем большинство из нас, то и не возникло бы столько слухов и толков. Скажи нам, в чем тут дело, чтобы нам зря не выдумывать».

Вот это, мне кажется, правильно, и я постараюсь вам показать, что именно дало мне известность и навлекло на меня клевету. Слушайте же. Быть может, кому-нибудь из вас покажется, что я шучу, но будьте уверены, что я скажу вам сущую правду.

Я, афиняне, приобрел эту известность лишь благодаря некоей мудрости. Какая же это такая мудрость? Та мудрость, что, вероятно, свойственна человеку. Ею я, пожалуй, в самом деле обладаю, а те, о которых я сейчас говорил, видно, мудры какой-то особой мудростью, превосходящей человеческую, уж не знаю, как ее и назвать. Что до меня, то я ее не понимаю, а кто утверждает обратное, тот лжет и говорит это для того, чтобы оклеветать меня.

Прошу вас, не шумите, афиняне, даже если вам покажется, что я говорю несколько высокомерно. Не от себя буду я говорить, а сошлюсь на того, кто пользуется вашим

доверием. **В свидетели моей мудрости, если есть у меня какая-то мудрость, я приведу вам бога, который в Дельфах.** Вы ведь знаете Херефонта — он смолоду был моим другом и другом многих из вас, он разделял с вами изгнание и возвратился вместе с вами. И вы, конечно, знаете, каков был Херефонт, до чего он был неудержим во всем, что бы ни затевал. Прибыв однажды в Дельфы, осмелился он обратиться к оракулу с таким вопросом.

Я вам сказал, не шумите, афиняне!

Вот Херефонт и спросил, есть ли кто на свете мудрее меня, и Пифия ответила ему, что никого нет мудрее. И хотя самого Херефонта уже нет в живых, но вот брат его, здесь присутствующий, засвидетельствует вам, что это так. Посмотрите, ради чего я это говорю: ведь мое намерение — объяснить вам, откуда пошла клевета на меня.

Услыхав про это, стал я размышлять сам с собою таким образом: «Что такое бог хотел сказать и что он подразумевает? Потому что я сам, конечно, нимало не считаю себя мудрым. Что же это он хочет сказать, говоря, что я мудрее всех? Ведь не лжет же он: не пристало ему это». Долго недоумевал я, что такое бог хотел сказать, потом через силу прибегнул я к такому разрешению вопроса: пошел я к одному из тех людей, которые слывут мудрыми, думая, что уж где-где, а тут я скорее всего опровергну прорицание, объявив оракулу: «Вот этот мудрее меня, а ты меня назвал самым мудрым». Но когда я присмотрелся к этому человеку, — называть его по имени нет никакой надобности, скажу только, что тот, наблюдая которого я составил такое впечатление, был одним из государственных людей, афиняне, — так вот я, когда побеседовал с ним, решил, что этот человек только кажется мудрым и многим другим людям, и особенно самому себе, а чтобы в самом